

К истории открытия нового вида чаек – реликтовой чайки *Larus relictus*

Р.Л.Потапов

Зоологический институт Российской Академии наук,
Университетская наб., д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 25 сентября 2007

Редактор и издатель «Русского орнитологического журнала» А.В. Бардин предпринял весьма полезную акцию, опубликовав на его страницах статьи нескольких авторов, повествующих об истории «вторичного открытия» (используя лексику А.Ф.Ковшаря) реликтовой чайки *Larus relictus* (Lönnerberg, 1931). Эти статьи, опубликованные в разное время и в разных мало доступных изданиях (причем только на русском языке), дают достаточно полное представление об этом незаурядном событии, за исключением одной существенной детали – истории открытия первого места гнездования этого вида в пределах России – в Забайкалье, на Торейских озёрах. Опубликованное по этому поводу сообщение В.Ф.Ларионова и А.М.Чельцова-Бебутова, в 1972 г. в ежегоднике «Орнитология», также воспроизведённое в упомянутом выпуске «Русского орнитологического журнала», содержит ряд существенных неточностей, полностью затемняющих суть дела, а именно – приоритет А.Н.Леонтьева в открытии первой в мире гнездовой колонии этого нового вида чайки. А ведь именно открытие мест размножения реликтовой чайки позволили установить её видовую самостоятельность. Этих неточностей можно было бы избежать, если бы названными выше авторами (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972) была бы принята во внимание публикация автора данного сообщения в журнале «Природа», появившаяся ещё за год до выхода упомянутой статьи, под названием «Находка на Торейских озёрах». Воспроизведение этой статьи в данном выпуске «Русского орнитологического журнала» также было бы весьма полезным, но к моменту издания данного выпуска по чисто техническим причинам А.В.Бардин не смог этого сделать. И я глубоко благодарен А.В.Бардину за предоставленную мне возможность сделать несколько дополнений и замечаний по поводу как самого открытия реликтовой чайки, так и его освещения в печати.

Первоописание новой чайки было сделано по экземпляру, добытому участником экспедиции Свена Гедина К.Г.Седербомом, коллектировавшим птиц в южных частях пустыни Гоби, в нижнем течении реки Эдзин-Гол (урочище Тсондол). При этом Э.Лённберг не называет стра-

ны, где эта находка была сделана. Поскольку в российских публикациях, связанных с реликтовой чайкой, место добычи помещается то во «Внутреннюю Монголию» (Зубакин 1988), то в Монголию (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972), я должен дать здесь элементарную географическую справку.

Река Эдзин-Гол образуется при слиянии двух рек, Линьшуй (Бейдахе) и Хейхе, берущих начало в горах северо-восточного Наньшаня (хребты Рихтгофена и Малиньшань). На всём своём протяжении (более 250 км) Эдзин-Гол течёт среди песков пустынь Бадан-Джаренг и Хара-Гоби, но в середине своего течения он разбивается на два русла, текущие параллельно – Норин-Гол и Ихе-Гол. Оба они заканчиваются в обширных впадинах, образуя, соответственно, два крупных озера – Гашун-Нур и Сого-Нур. Это – известные места, по которым пролегли маршруты Г.Н.Потанина (в 1886 г.), В.А.Обручева (в 1892-1894 гг.) и П.К.Козлова, открывшего здесь в 1908 г. развалины древнего города Хара-Хото. И все они, как и всё течение Эдзин-Гола, находятся на территории провинции Нинься в Китае. Страна, на территории которой была добыта первая реликтовая чайка, названа только в одной из поздних публикаций – «Северная Внутренняя Монголия, ныне территория Народной Республики Китай» (Stubbe, Bolod 1971), что опять же неверно. Во-первых, «Северная Внутренняя Монголия» располагается примерно в 1500 км к северо-востоку от этих мест, а во вторых, на всём своём протяжении Эдзин-Гол входил в пределы Китая уже со времён династии Хань, по крайней мере с 100 г до н.э. (Hermann 1935), т.е. со времён, когда вообще никаких других государств в этой части Азии не было.

Не могу здесь удержаться от цитирования комментария нашего почётного мэтра С.А.Бутурлина относительно знакомства западноевропейских орнитологов с географией. Так, по поводу названия подвида тетерева *Lyrurus tetrix mongolicus*, описанного из предгорий Тянь-Шаня, Бутурлин пишет: «Крайне неудачное научное название произошло оттого, что Лённберг при описании полученных им птиц вообразил, что Баим-Гол и Хан-Тенгри находятся в Монголии “к югу от Урги”. Хартерт повидимому и теперь держится такого убеждения (см. Vog., rat II, стр.1876); вообще невежество значительной части западноевропейских, даже крупных зоологов в области географии заслуживает удивления и сильно мешает им» (Бутурлин, Дементьев 1935).

Второй важный момент заключается в том, что упомянутый экземпляр, судя по дате его добычи и маршруту экспедиции С.Гедина, был добыт у русла Эдзин-Гола в его нижнем течении, т.е. в местах, явно непригодных для гнездования чаек. Координаты места добычи этого первого экземпляра были указаны значительно позднее – 41°53′ с.ш., 101°07′ в.д. (Kitson 1980). Это почти рядом с развалинами древнего

Хара-Хото, на берегу правого русла низовьев Эдзин-Гола – Ихе-Гола. Да и время встречи этой особи (24 апреля) явно говорит о том, что это был пролётный экземпляр (Потапов 1971).

Наконец, в самой работе Э.Лённберга, давая подробное описание данного экземпляра, сравнивает его в основном со средиземноморской чайкой *Larus melanocephalus*, подчёркивая значительные его отличия. Более того, не удовлетворённый сравнительным материалом по средиземноморской чайке, бывшим в его распоряжении, он посылает этот экземпляр для дополнительного сравнения в Британский музей известному орнитологу Н.Б.Кинниру (N.B.Kinnear). Ответ последнего был краток, он сообщил, что присланный ему экземпляр не обнаружил сходства ни с одним из экземпляров средиземноморской чайки. Однако это не смутило Э.Лённберга. На основании того, что этот необычный экземпляр не обнаружил сходства ни с одним из известных видов чаек, он пишет, что отваживается высказать своё мнение, согласно которому данный экземпляр относится к какой-то местной популяции средиземноморских чаек. Эта популяция могла иметь в прошлом более широкое распространение, выработала ряд отличий от номинативной расы и имеет в настоящее время небольшой реликтовый ареал. И на основании этого заключения он даёт этой популяции, как остатку исчезающей расы, название *Larus melanocephalus relictus* Lönnberg, 1931. Я специально остановился на этой важной детали в первоописании новой формы чаек, чтобы показать прозорливость Э.Лённберга. Он не скрыл своих сомнений по поводу видовой принадлежности формы, но совершенно верно предсказал реликтовую сущность таксона, к которому данный экземпляр принадлежал, что полностью подтвердилось последующими исследованиями.

А теперь необходимо выстроить чёткую последовательность всех событий, связанных с последующими находками этих птиц, их гнездовых колоний и утверждения реликтовой чайки в статусе совершенно самостоятельного вида.

В 1957 году в орнитологическую коллекцию Зоологического института Академии наук СССР (Ленинград) поступают целых ТРИ (!) экземпляра реликтовой чайки, добытые 29 октября 1934 и 8-9 апреля 1935 около прибрежного города Дагу, расположенного в провинции Хебей Китайской Народной Республики, недалеко от Тяньцзиня, у устья реки Хайхе, впадающей здесь в залив Жёлтого моря Бохайвань (39°01' с.ш., 117°40' в.д.) – 2 взрослых самца и 1 молодая особь, линяющие, соответственно, в первый осенний, первый и второй летние наряды. Это были второй, третий и четвёртый экземпляры реликтовой чайки, попавшие в руки учёных. Эти экземпляры привёз из командировки в Китай проф. А.И.Иванов, заведовавший тогда отделением орнитологии Зоологического института АН СССР (ЗИН). Все эти экземп-

ляры, вместе с рядом других, были подарены китайскими коллегами из сборов, хранившихся в коллекции Зоологического института АН КНР в Пекине. Эти экземпляры, определённые как буроголовые чайки *Larus brunnicephalus* и хранящиеся в орнитологической коллекции ЗИН под №№ 157117, 167118 и 157119, смотрели все ведущие специалисты отдела орнитологии Зоологического института АН СССР – сам А.И.Иванов, Е.В.Козлова, Л.А.Портенко и К.А.Юдин, специально занимавшийся в те годы ржанкообразными птицами. Ознакомился с ними и знаменитый Б.К.Штегман. Сподвижник самого П.П.Сушкина, он был репрессирован перед началом Второй мировой войны, а после её окончания получил отказ от дирекции ЗИНа восстановить его в должности сотрудника института (его взял тогда на должность главного редактора директор Института внутренних вод И.Д.Папанин). Б.К.Штегман исправно выполнял свои обязанности, но командировки в Ленинград всегда использовал для работы в орнитологической коллекции ЗИНа. Никакого определённого суждения тогда вынесено не было – надписи на этикетках были сделаны иероглифами и трудно было судить, местные это птицы, пролётные или зимовавшие. В общем, было решено подождать до поступления дальнейшего материала. Именно об этих экземплярах, правда, почему-то только об одном, упоминает А.Ф.Ковшарь (2004). В этой публикации он допустил две неточности: упомянул только об одном экземпляре из трёх, и, указав на помощь Б.В.Некрасова в переводе надписей на этикетке, причислил его к сотрудникам библиотеки Академии наук, хотя в то время Б.В.Некрасов был ещё полноправным сотрудником орнитологического отделения ЗИН АН СССР.

Как показали последующие изыскания, стал давать результаты просмотр старых коллекций, в которых могли находиться экземпляры реликтовых чаек, ошибочно определённые либо как озёрные *Larus ridibundus*, либо как буроголовые чайки. В частности, в той же коллекции Зоологического института в Пекине впоследствии были обнаружены ещё 4 экземпляра реликтовых чаек, определённых как буроголовые и добытых летом 1953 г. на небольших озёрах в полупустынной местности на границе провинций Хебей и Внутренней Монголии. Из них взрослая и неполовозрелая особи добыты у г. Кандао (Кангбао, 41°52' с.ш., 114°51' в.д.) 19 июня и 2 июля соответственно и 2 неполовозрелых птицы у г. Шанду (Шангду, 41°33' с.ш., 113°31' в.д.), 31 июля и 2 августа. (Zhanq Yun-Sun *et al.* 1991; Duff *et al.* 1991) Подобные находки, сделанные поблизости одна от другой в середине лета, несомненно свидетельствовали о нахождении где-то недалеко гнездовой колонии.

Ещё одна неожиданная находка уже 9-го экземпляра реликтовой чайки была сделана немецкими орнитологами в коллекции Иркутско-

го сельскохозяйственного института. Он был добыт М.П.Тарасовым в июне 1957 г. в Монголии, на небольшом солёном озере Ихе-Нур (Икес-Нур) (Piechoki *et al.* 1981). Позднее было указано, что это озеро расположено на высоте 1588 м над уровнем моря во впадине у подножья восточного склона центральной части Монгольского Алтая на 46°27' с.ш., 94°04' в.д. (Duff *et al.* 1991) Эти же авторы сообщают, что экземпляр этот был неверно определён и хранился в иркутской коллекции под именем озёрной чайки *Larus ridibundus*. Далее у названных авторов говорится, что в своих публикациях Тарасов якобы сообщал об этом озере, как месте гнездования озёрной чайки (Тарасов 1961; Tarasov 1962), что даёт надежду на возможность нахождения ещё одного места гнездования реликтовой чайки, но это неверно. Об этом озере в публикациях М.П.Тарасова ничего не говорится, а просто сказано, что озёрная чайка (которую он не отличал от реликтовой) гнездится повсеместно в Западной Монголии, но не южнее Монгольского Алтая. Затем опять наступает определенный перерыв (10 лет), во время которых не появляется никаких сообщений о встречах этого вида в природе или в научных коллекциях.

Какие же экземпляры появились далее? И тут настало время восстановить истину в истории изучения реликтовой чайки. А она заключается в том, что следующие экземпляры были добыты на территории России. Добыл их зоолог А.Н.Леонтьев, работавшей в сети противочумных станций в Забайкалье и много времени отдававший изучению птиц этого региона. Именно он обратил внимание на весенний пролёт неизвестных ему чаек на Торейских озёрах в мае 1963 г. Эти чайки летели в довольно большом числе стаями по 15-30 птиц в западном направлении, и ему удалось добыть 3 экземпляра, оказавшихся взрослыми самцами (Леонтьев 1968, 1971). Один из них, добытый на озере Барун-Торей 12 мая 1963, находится в коллекции орнитологического отделения ЗИН РАН под № 168053, куда он поступил от А.Н.Леонтьева в 1969 г., и является 10-м экземпляром реликтовой чайки, попавшим в руки исследователей, причем первым – с территории России. Об этом экземпляре будет сказано далее. Второй же экземпляр из пределов России, а тогда и СССР, добытый там же и тоже на пролёте 14 мая 1965 (и 10-й из известных ныне экземпляров реликтовой чайки), был привезён А.Н.Леонтьевым в Москву для определения видовой принадлежности этой новой для него чайки. Он показал и подарил этот экземпляр профессорам кафедры биогеографии Московского университета В.Ф.Ларионову и А.М.Чельцову-Бебутову, которые ошибочно определили его как буроголовую чайку *Larus brunnicerphalus* (Потапов 1971). Под этим названием экземпляр и хранился в коллекции Кафедры. Эту ошибку удалось исправить только осенью 1969 г. с помощью А.Ф.Ковшаря (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972;

Ковшарь 2004). Здесь следует заметить, что не только упомянутые выше специалисты допустили такую ошибку. Выше уже упоминалось об ошибочном определении реликтовых чаек как буроголовых, сделанном китайскими орнитологами. А когда А.Ф.Ковшарь привёз в Ленинград, в ЗИН, первые экземпляры реликтовой чайки из Казахстана, главный специалист по чайкам в ЗИНе К.А.Юдин по началу столь же уверенно определил их как буроголовых (Ковшарь 2004).

Тем временем А.Н.Леонтьев, хорошо научившийся отличать новых для него чаек от других, продолжал свои наблюдения за ними. Он отмечал их регулярно на весеннем пролёте и, наконец, в 1967 году 4 июня обнаружил и первую в мире колонию реликтовых чаек на острове Хухан озера Барун-Торей (50°05' с.ш., 115°30' в.д.). Эта колония, в которой находилось не менее сотни гнёзд, располагалась рядом с громадными колониями больших бакланов *Phalacrocorax carbo*, чеграв *Hydropogone caspia* и серебристых чаек *Larus argentatus mongolus*. Об этой находке А.Н.Леонтьев сообщает в своей публикации, но из-за ошибки в определении его первого экземпляра, допущенной авторитетными профессорами Московского университета, он продолжает именовать реликтовых чаек буроголовыми (Леонтьев 1968).

Когда я ознакомился с этой статьей, то сразу же связался с её автором и выразил глубокое сомнение в принадлежности описанной им колонии буроголовой чайке – этой ярко выраженной высокогорной птице, а также дал ему возможность ознакомиться с вышедшими к этому времени из печати двумя моими работами по птицам Памира (Потапов 1966а,б). Одна из них, опубликованная в «Докладах АН СССР», была специально посвящена гнездованию буроголовых чаек на Памире, т.е. в пределах СССР, где до сих пор их никто не изучал. По крайней мере, я был совершенно уверен, что найденная А.Н.Леонтьевым чайка – не буроголовая. Ареал буроголовой чайки охватывает в основном Тибетское нагорье, и нигде она не гнездится ниже, чем на озере Кукунор, высота которого – 3300 мн.у.м. Я запросил Леонтьева, может ли он выслать мне экземпляр для проверки, на что он ответил утвердительно. Таким образом, упомянутый ранее экземпляр взрослого самца реликтовой чайки (десятого из попавших в руки орнитологов и первого – с территории СССР) оказался в моих руках осенью 1969 года, незадолго до того, как в ЗИН прибыл А.Ф. Ковшарь с экземплярами реликтовой чайки с озера Алаколь в Казахстане.

А теперь вернёмся несколько назад, к хронологическому перечислению новых находок реликтовой чайки. После находки колонии реликтовых чаек на Барун-Торее, названных в сообщении буроголовыми и не вызвавшими ни у кого, кроме меня, особого интереса, совершенно случайно, при массовом кольцевании птенцов водно-болотных птиц на обширном, с островами, озере Алаколь в восточной части Казахстана,

была найдена ещё одна колония этого вида. Именно на этом озере, в местах массового гнездования, в июне-июле 1968 г. (т.е. в год публикации статьи Леонтьева) казахстанские орнитологи под руководством Э.И.Гаврилова предприняли массовое кольцевание птенцов водяных, в основном колониально гнездящихся птиц на ряде озёр, в том числе на озере Алаколь. При кольцевании птенцов различных чаек, в массе гнездящихся на островах этого озера, были окольцованы птенцы, принятые сначала за птенцов черноголового хохотуна *Larus ichthyaetus* или озёрной чайки, но явно не подходящие к ним либо по окраске, либо по размерам. Только на следующий, 1969 год в ходе работы специальной экспедиции было установлено, что кольцевались птенцы чайки, неизвестной казахстанским орнитологам, взрослые экземпляры и пуховые птенцы которой и были тогда добыты (Гаврилов 2004). Однако и в этом случае видовую принадлежность новых чаек в Казахстане определить не смогли. Для этого их специально привёз в научные центры Москвы и Ленинграда А.Ф.Ковшарь осенью 1969 г. (Ковшарь 2004; Гаврилов 2004). Тогда же и обнаружилась ошибка в определении второго экземпляра с территории СССР, добытого Леонтьевым и хранившегося в эталонной коллекции птиц мира кафедры зоогеографии Московского университета. Таким образом, вторая в мире гнездовая колония реликтовых чаек была обнаружена в Казахстане, на территории СССР. Так или иначе, но заслуга в повторном и на этот раз уже вполне очевидном открытии нового вида птиц – реликтовой чайки – принадлежит советским орнитологам.

В 1966 году 15 мая ещё один экземпляр самца реликтовой чайки добывает монгольский орнитолог Эрегдендагва на самом востоке Монголии, на озере Баян-Нур у южной оконечности большого озера Буир-Нур. Этот экземпляр, тоже неправильно определённый, но как озёрная чайка *Larus ridibundus*, был обнаружен немецкими орнитологами в коллекции Биологического института Монгольской АН в Улан-Баторе только летом 1969 г. (Stubbe, Volod 1971). И здесь я опять должен сделать существенную поправку к тому, что публиковалось на этот счёт ранее (Ковшарь 2004). В своей публикации А.Ф.Ковшарь, описывая процедуру определения добытых в Казахстане экземпляров реликтовых чаек в Ленинграде осенью 1969 г., допустил серьёзную ошибку, бросившую тень на нашего блестящего орнитолога Б.К. Штегмана. Он написал буквально следующее «...а прибывший из Борка Борис Карлович Штегман долго молча исследовал обе тушки (алакольскую и китайскую), а потом так так же молча заторопился, не высказав окончательно своего мнения. Как сообщила мне на второй день Ирэна Анатольевна Нейфельдт, он в тот же вечер написал своему немецкому коллеге-орнитологу Штуббе, чтобы тот срочно поискал в своих монгольских сборах аналогичный экземпляр, что и было сделано и в ре-

зультате в самые короткие сроки появилась публикация [Stubbe M, Bold A. 1971. Mowen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // *Mitt. Zool. Mus. Berlin*. Bd. 47. N 1. S.51-62). Возмущённая таким вероломством уважаемого метра, Ирэна Анатольевна посоветовала мне ускорить публикацию, чтобы не потерять приоритет в первоописании». Достоин удивления, что А.Ф.Ковшарь за прошедшие с того времени более 30 лет не нашёл возможности проверить эту негативную информацию. А на самом деле произошло вот что.

Б.К.Штегман действительно написал об открытии казахстанцев, но не М.Штуббе, а своему другу, «Нестору» немецких орнитологов Эрвину Штреземанну, и письмо это в цитируемой работе было опубликовано! Авторы (М.Штуббе и А.Болод) пишут, что 7 февраля 1970 они получили письмо от Э.Штреземанна. В этом письме он сообщает Штуббе, что 27 ноября 1969 он получил письмо от Д-ра Штегмана из Ленинграда о примечательном событии – находке в Восточном Казахстане гнездовой колонии реликтовых чаек, что он держал в руках добытые там экземпляры и у него нет сомнений, что это – самостоятельный вид, ничего общего не имеющий ни со средиземноморской, ни с озёрной чайками. Он пишет далее, что казахстанские орнитологи собираются в следующем году снова посетить эту колонию, чтобы добыть реликтовых чаек в птенцовом оперении. Он также высказывает опасения, что, видимо, такие колонии реликтовых чаек не очень постоянны и казахстанские коллеги могут и не найти их там снова. Вот о чём писал в своем «вероломном» письме Б.К.Штегман. Насчет «самых коротких сроков» публикации сообщаю фактическую сторону дела. Статья М.Штуббе и А.Болода была сдана в редакцию Бюллетеня 25 марта 1970, т.е. спустя четыре месяца (!) после получения письма от Штегмана. Сам же Бюллетень вышел только 15 июля 1971. Таким образом, статья пролежала в издательстве почти полтора года, что никак не укладывается в утверждение о публикации её «в кратчайшие сроки». И к вопросу о приоритете. В этой же статье авторы, успевшие получить первую, действительно срочную, публикацию Э.Ауэзова (1970), детально описывают её короткое содержание, ни в малейшей мере не покушаясь на его приоритет как в выявлении видовой самостоятельности реликтовой чайки, так и в открытии гнездовой колонии этого вида. Не всякий из наших соотечественников может похвастать такой аккуратностью и принципиальностью.

И ещё одно замечание по поводу названной публикации. Ковшарь пишет, что Ларионов и Чельцов-Бебутов признали свою ошибку в цитируемой здесь публикации. Но ничего подобного там нет! В тексте только сказано, что в своей статье, посвящённой открытию найденной Леонтьевым колонии реликтовой чайки, «...из-за неверного определения ранее добытого им экземпляра он [А.Н.Леонтьев – Р.Потанов]

продолжает называть их тибетскими...». Иными словами, создано впечатление, что неверное определение сделано не московскими профессорами, а самим автором, А.Н.Леонтьевым!

Той же осенью 1969 г., после того, как всё окончательно прояснилось, автору данного сообщения пришла в голову идея создать в нашем музее – Зоологическом музее Академии наук при Зоологическом институте АН СССР – экспозицию, посвящённую этому сенсационному открытию и собрать для неё материал на колонии этих птиц на озере Барун-Торей. Моя идея была полностью поддержана возглавлявшим тогда Музей проф. Д.В.Наумовым и классиком отечественной орнитологии проф. Л.А.Портенко. Создание такой экспозиции в главном Зоологическом музее нашей страны было вполне оправданным и нужным мероприятием. Мы обратились к директору Института академику Б.Е.Быховскому с предложением организовать для этого экспедицию на Барун-Торей и получили полную поддержку, в том числе и финансовую. После этого я списался с А.Н.Леонтьевым, которого никто, кроме меня, так и не известил о его открытии, не говоря уже об извинениях по поводу неправильного определения, и мы договорились о встрече на Барун-Торее.

В начале июня 1970 г. наша небольшая группа в составе автора данной статьи, главы нашей таксидермии М.А.Заславского и двух его лаборантов прибыла в начале июня на ж.-д. станцию Борзя, где нас встретил А.Н.Леонтьев, бывший тогда начальником полевого противочумного отряда. Он и отвёз нас к берегу озера Барун-Торей и указал направление на остров Хухан, где размещались колонии бакланов и чаек, в том числе и колония реликтовой чайки. С берега этот остров был едва заметен. Я не буду здесь повторять процесс нашей работы, достаточно подробно описанный мною ранее (Потапов 1971). Напомню только, что во время нашего последнего визита 13 июня, когда мы убедились, что вылупление этих чаек из двух небольших, примерно по 50 гнёзд, колоний полностью закончилось, на обратном пути мы попали в сильнейший шторм. Эти штормы – не такая уж редкость на Торейских озерах, расположенных на открытых всем ветрам степных просторах. Работали мы на обычной двухместной резиновой лодке, совершенно не приспособленной к плаванию в штормовую погоду. Мы выгребали с огромным трудом часа три, постоянно находясь под угрозой, что лодку просто перевернёт ураганным ветром на крутой волне. В результате, когда мы добрались до берега, нас выбросило километрах в трёх от нашего лагеря. Там мы встретили нашу лаборантку. Девушка металась по берегу, перепуганная и заплаканная – она решила было, что мы либо потонули, либо отсиживаемся на острове. Действительно, тогда мы были на волосок от гибели, и если бы не поистине железная мускулатура М.А.Заславского, более двух часов отчаянно орудовавшие

го вёслами (я обессилел довольно быстро), то не уверен, остались ли бы мы в живых. Но главная неприятность (но не последняя) ожидала нас впереди. Этот шторм продолжался около трёх суток, и когда через три дня я снова добрался до острова Хухан с целью взять несколько птенцов реликтовой чайки для выращивания в неволе (это дало бы возможность проследить развитие возрастных нарядов), то увидел жуткую картину. Колонии реликтовой чайки исчезли, места их расположения были замыты волнами, и ни одной этой чайки не оказалось даже поблизости. Всюду мелькали только взрослые серебристые чайки, да невозмутимые бакланы продолжали кормить своих подрастающих птенцов. Была слабая надежда, что уже вылупившиеся птенцы реликтовой чайки в сопровождении взрослых сплывались по ветру далеко в западную часть озера, где тоже расположена группа островов. Но изобилие мелькающих повсюду серебристых чаек, для которых любой маленький птенец, даже собственного вида, представляет лакомую добычу, делало такой вариант мало реальным. Пришлось довольствоваться тем, что мы смогли всё-таки, со всеми необходимыми предосторожностями, на самом краю одной из колоний, насчитывавшей 31 гнездо, взять для коллекции 11 птенцов. Взрослых птиц, как реликтовых чаек, так и остальных, мы добывали только на коренном берегу, не менее чем в 5 км от острова, на котором не было сделано ни одного выстрела. В целом же материал для новой экспозиции был собран.

Перед отъездом я рассказал зоологам противочумного отряда, и в первую очередь А.Н.Леонтьеву, что произошло. Кроме того, мы обсудили с А.Н.Леонтьевым вопрос о публикации статьи об этой колонии, названной им, не по его вине, колонией буроголовых чаек. Было решено, что я напишу статью информативного характера, где будет рассказано обо всех обстоятельствах открытия этой колонии, причины ошибки в определении реликтовой чайки и результаты нашей поездки, причём сделать это решили в широко известном и достаточно популярном журнале, а именно в журнале «Природа», что и было сделано (Потапов 1971). За собой же А.Н.Леонтьев оставил написание научной статьи о своем открытии и её публикацию в одном из местных периодических изданий, что также было сделано им без промедления, но статья эта была опубликована только летом следующего года в Известиях Забайкальского филиала Российского Географического общества (Леонтьев 1971). Статья была подготовлена и сдана в печать своевременно, но выпуск журнала по каким-то причинам задержался. На титульном листе этого выпуска (том 6, вып. 5) стоит год 1970, но сам выпуск был подписан к печати только 21 апреля 1971.

В целом можно было считать задачу нашей поездки выполненной. Мы вернулись в Ленинград, надеясь, что в скором времени в Музее будет создана уникальная экспозиция, посвященная гнездованию но-

вого вида птиц – реликтовой чайки. И эта экспозиция действительно появилась, но ещё до начала работы над нею на мою голову обрушилась серьезная неприятность. Я не считаю, что подробности такого рода можно публиковать в научной статье, но поскольку цитированные выше работы А.Ф.Ковшаря и Э.И. Гаврилова изобилуют описаниями бесед научных сотрудников и их споров – кто что сказал и кто что сделал, – то и мне показалось возможным, в порядке исключения из моих правил, сделать то же самое. Дело в том, что вскоре после нашего возвращения из экспедиции я, находившийся тогда в отпуске, был срочно вызван в наш Институт, как говорят, «на ковёр» к самому директору Института – академику Б.Е.Быховскому. Оказалось, что К.А.Юдину пришло письмо от московских орнитологов (я специально не называю здесь имени автора этого письма, вполне достойного орнитолога), в котором, явно с чужих слов, я обвинялся в безграмотных действиях на гнездовой колонии только что открытого нового вида чаек, что привело в итоге к гибели этой колонии, факт, который я, якобы, пытаюсь скрыть. К.А.Юдин незамедлительно обратился к директору Института и на основании этого письма потребовал сурового моего наказания. На «ковёр» к Б.Е.Быховскому я пошел не один, со мной вместе пошли мой непосредственный начальник, заведующий Музеем Д.В.Наумов и руководитель моей аспирантуры Л.А.Портенко. Б.Е.Быховский внимательно выслушал всех, в том числе и меня. Предвзятые нападки Юдина были нейтрализованы решительными возражениями и Наумова и особенно Портенко, взявшими на себя всю ответственность за решение об этой экспедиции и не узревшими в моих действиях никакого криминала. Наконец, директор задал мне самый важный вопрос – откуда стало известно, что колония реликтовых чаек погибла? И когда я объяснил, что я, как единственный свидетель, не только полностью информировал о происшедшем Леонтьева, но и подготовил публикацию на эту тему, Быховский сказал что теперь ему всё ясно, дал понять, что аудиенция закончена и иронически поблагодарил всех «за доставленное удовольствие». «Как, – воскликнул Юдин, – и это всё?», на что Б.Е.Быховский, пожав плечами, ответил: «Всё. А чего Вы ещё хотите?».

На этом неприятности для нас закончились. Вскоре стало известно ещё о нескольких аналогичных случаях, уже на колониях реликтовой чайки в Казахстане, когда в штормовую погоду возбуждённые чайки сами заклёвывали своих птенцов, отличаясь таким поведением от всех остальных видов чаек. Да и на Торейских озёрах в последующие годы (в 1976) произошёл подобный случай (Зубакин 1979). Как выяснилось, чайки аналогично ведут себя и при стрельбе поблизости от колонии, когда идёт вылупление птенцов (Ковшарь 2004). Кроме того, в упомянутой выше моей статье было ясно сказано, что гнездование реликтовых чаек на данных озёрах не постоянно и полностью зависит от на-

полненности их водой – ведь время от времени эти озёра полностью пересыхают. Так было, например, в 1928 году, во время посещения этих мест Б.К.Штегманом. Озеро было полностью высохшим и никаких чаек там, естественно, не было (Stegmann 1929). Вопреки заявлениям некоторых орнитологов, утверждавших, что колония на Барун-Торее перестала существовать (Ковшарь 2004), уже на следующий год колония реликтовых чаек здесь вновь функционировала. В 1975 году здесь гнездились уже 322 пары, в 1976 – 493 пары (Зубакин 1976). В 1979 г. здесь было учтено 612 гнёзд, в 1980 – 320, в 1981 – 280, в 1982 – 653 гнезда (Васильченко 1986). При очередном полном высыхании озера в 1983 г. реликтовые чайки, как и в 1927, опять здесь отсутствовали (Васильченко 1986), но с последующим его наполнением появились в ещё большем числе. В 1990 г. здесь гнездились рекордное для данного озера число пар – 1200. Затем к концу 1990-х число их вновь стало уменьшаться из года в год, но на этот раз уже из-за не прекращавшегося повышения уровня воды в озере. И тут опять произошла гибель колонии реликтовых чаек, в которой гнездились 200 пар – в 1994 г. она была полностью разорена серебристыми чайками (Зубакин 2001). Нездаром же на острове Хухан реликтовые чайки гнездились под прикрытием чеграв – этих крупных сильных крачек, успешно защищающих свои колонии от разбоев серебристой чайки.

В дальнейшем, как хорошо известно, гнездовые колонии реликтовых чаек были найдены в Монголии (Татзин-Цаган-Нур) (Fisher 1985), в 45 км восточнее озера Орок-Нур, где в 1926 г. проводила свои наблюдения Е.В.Козлова, не нашедшая там на гнездовье вообще никаких чаек, и в Китае (Yun-Sun *et al.* 1991).

Таким образом, к настоящему времени примерно определен ареал этого вида, располагающийся во внутренних аридных частях азиатского материка от Забайкалья (Россия) на севере до Ордоса (Китай) на юге и от Восточного Казахстана на западе до западных окраин китайской провинции Хебей на востоке. Стала очевидной тесная зависимость успешного размножения этих чаек от наличия озер с различной степенью солености и пригодными для гнездования островами. Такие озера отличаются, как правило, крайним непостоянством как своих размеров, так и обводненности, в зависимости от более или менее циклических изменений количества осадков или интенсивности таяния снегов в высоких горах. Отсюда и крайнее непостоянство мест размножения этого вида, то появляющегося, то исчезающего на том или ином озере. Но несомненно, что в процессе аридизации климата Центральной Азии, начавшегося еще более 10 000 лет назад, мест, удобных для гнездования реликтовой чайки, становится все меньше и меньше. Эта чайка – действительно является реликтом той далекой эпохи, когда озерные бассейны Центральной Азии были намного больше современ-

ных, а может быть, и еще более древних времен, когда на территории современных Гималаев плескались волны Тетиса.

Во всяком случае, как показывают исследования последних лет, за дальнейшую судьбу реликтовой чайки можно пока не беспокоиться. В России и Казахстане на местах ее гнездования созданы заповедники, а в Монголии и Китае орнитологи проявляют сейчас повышенный интерес как к изучению, так и охране этого действительно редкого и во многом до сих пор загадочного вида.

Так, сравнительно недавно на одном из озер провинции Шаанси (Китай) была найдена самая крупная на сегодняшний день гнездовая колония реликтовых чаек, постоянно увеличивавшаяся в размерах и насчитывавшая в 2005 г. уже более 6000 особей (Zhang *et al.*, 1991; Xiao Hong *et al.*, 2006)). А в залах Зоологического музея Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, удовлетворяя любопытство нескончаемого потока посетителей, функционирует единственная до сих пор в музеях мира экспозиция «Гнездование реликтовой чайки».

Эта экспозиция была создана нами в 1971 году, после нашей экспедиции на озеро Барун-Торей в Забайкалье, о которой рассказывалось выше. Здесь наглядно показаны и гнезда этих чаек, и озабоченные родители, между которыми снуют пушистые комочки только что вылупившихся птенцов, и здоровенные крачки-чегравы, отгоняющие прочь хищную серебристую чайку – и всё это под сенью громоздких гнезд больших бакланов, занятых выкармливанием только что вылупившихся птенцов. А в объяснительной надписи можно прочесть и имя первооткрывателя первой в мире гнездовой колоний нового вида чаек, обнаружившего её гнездование на территории России – имя орнитолога А.Н.Леонтьева.

Литература

- Ауэзов Э.М. 1970. О находке колонии реликтовой чайки *Larus relictus* // *Вестн. АН КазССР* 1: 59-60.
- Бутурлин С.А., Дементьев Г.П. 1935. *Полный определитель птиц СССР*. М., 2: 1-278.
- Васильченко А.А. 1986. Редкие виды птиц юго-восточного Забайкалья // *Изучение птиц в СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 116-117.
- Гаврилов Э.И. 2004. К истории открытия реликтовой чайки *Larus relictus* на озере Алаколь // *Тр. Алакольского заповедника* 1: 8-15.
- Зубакин В. А. 1976. Реликтовая чайка на Торейских озерах // *Докл. МОИП*. зоол., бот. 2-е полугодие. М.: 6-8.
- Зубакин В.А. 1979. Некоторые моменты поведения реликтовой чайки, гнездящейся на Торейских озёрах // *Бюл. МОИП*. Биол. 84, 2: 15-20.
- Зубакин В.А. 2001. Реликтовая чайка // *Красная книга Российской Федерации. Животные*. М.: 524-526.

- Ковшарь А.Ф. 2004. Вторичное открытие реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) и предыстория создания заповедника на Алаколе // *Тр. Алакольского заповедника* 1: 15-31.
- Ларионов В.Ф., Чельцов-Бебутов А.М., 1972. Находка реликтовой чайки на Торейских озерах (Забайкалье) // *Орнитология* 10: 277-279.
- Леонтьев А.Н. 1968. Гнездовая колония чаек и бакланов на Торейских озерах // *Изв. Забайкал. фил. Геогр. общ-ва СССР* 4, 6: 79-80.
- Леонтьев А.Н. 1971. Реликтовая чайка в Юго-Восточном Забайкалье // *Изв. Забайкал. фил. Геогр. общ-ва СССР* 6, 5: 60-71.
- Потапов Р.Л. 1966а. Птицы Памира // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 39: 1-119.
- Потапов Р.Л. 1966б. Гнездование буроголовых чаек (*Larus brunnocephalus* Jerd.) в СССР // *Докл. АН СССР. Сер. биол.* 167, 6: 1409-1410.
- Потапов Р.Л. 1971. Находка на Торейских озерах // *Природа* 5: 77-81.
- Тарасов М.П. 1961. Материалы по фауне птиц юго-восточной части Монгольского Алтая и прилегающей Гоби // *Биол. сб. 1960.* Иркутск: 159-178.
- Hermann A. 1935. *Historical and commercial atlas of China.* Harvard Univ. Press, Cambridge, Massachusetts: 1-112.
- Duff D.G., Bakewell D.N., Williams M.D. 1991. The Relict Gull *Larus relictus* in China and elsewhere // *Forktail* 6: 43-65.
- Kitson A.R. 1980. *Larus relictus* – a review // *Bull. Brit. Ornithol. Club* 100: 178-185.
- Piechoki R., Stubbe M., Uhlenhaut K., Sunjaa D. 1981. Beitrage zur Avifauna der Mongolei. Teil m. Non-Passeriformes // *Mitt. Zool. Mus. Berlin (Suppl. Ann.)*: 71-128.
- Lönningberg E. 1931. A remarkable gull from the Gobi Desert // *Ark. Zool.* 23B, 2: 1-5.
- Tarasov M.P. 1962. Zur Kenntnis der Vogelwelt der sudwestlichen Mongolei // *Falke* 9: 259-262.
- Stubbe M., Bolod A. 1971. Mowen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // *Mitt. Zool. Mus. Berlin* 47, 1: 51-62.
- Stegmann B. 1929. Die Vogel SUD-Ost Transbaikaliens // *Ежегодн. Зоол. музея АН СССР* 29: 83-242.
- Xiao Hong, Yu Zhang, Zi-Lei. 2006. Breeding population dynamics of Relict Gull (*Larus relictus*) at Hongjiannao lake of Shaanxi Province // *J. Shaanxi Normal Univ.* 34: 83-86.
- Zhang Yun-Sun, Liu Chang-Jiang, Tian Lu, Bu He. 1999. Recent records Of the Relict Gull *Larus relictus* in western Nei Mongol autonomous region, China // *Forktail* 6: 66-67.
- Zhang Wrang strongly, Hexiaomei, Zhang Zhi-delai, Wang Zhong, Huo Xiaomei. 2006. Protective situation and countermeasures on *Larus relictus* (Laridae) in Hongjiannao wetland of Shannxi Province // *J. of the Institute of Yulin* 2: 1-2.

To the history of the discovery of a new gull species –
the relict gull *Larus relictus* (Lönnerberg, 1931)

R.L.Potapov

This paper was prepared in order to define more exactly the history of discovery of this new species, its nesting sites etc., because some inaccuracies and even erroneous details are frequently found in publications dedicated to this topic, especially in Russian publications (see References). In brief, this history can be described in the following way.

1. In 1931, Lönnerberg described a new subspecies of the Mediterranean gull *Larus melanocephalus relictus* from a single specimen found in Central Asia.

2. In 1951-1965, several specimens of this gull were collected in China and Mongolia; in all the cases, ornithologists identified them as the Tibetan gull *Larus brunnicephalus* or the black-headed gull *L. ridibundus*.

3. In spring 1963, Russian ornithologist A.Leontiev collected 3 specimens from a migrated flock in the Lake Barun-Torey in Transbaikalia, near the Russian-Mongolian border. He delivered one of these specimens to the Moscow University, where Moscow ornithologists identified it as *Larus brunnicephalus*. In 1967, A.Leontiev found the first nesting colony of these birds in the same lake. He published the information about this colony, but erroneously named these gulls as *Larus brunnicephalus*. He became doubtful in an accuracy of the identification and corresponded with R.L.Potapov, who was an expert in studies of the Tibetan gull in Pamir Plateau and had some publications on the subject. In the process of the correspondence between us he sent one of the specimens to the Zoological Institute RAS in St. Petersburg in 1969 and erroneous species identification made by Moscow ornithologists become obvious. As a result, A.Leontiev has published another article on finding a nesting colony of the Relict gull, discovered by him in 1967, only in 1970 (in the title, this edition is dated 1970).

4. At the same time, in summer 1968, Kazakh ornithologists found a nesting site of an unknown gull in one of the islands in the large Lake Ala Kol in the eastern Kazakhstan among nesting colonies of other gull species. They repeated their research the next year and managed to collect several adult and downy young specimens and delivered them to the Moscow University and to the Zoological Institute in Leningrad (present St. Petersburg) in the autumn of 1969 to make the right identification. E.Auezov, an ornithologist, was the pioneer of this activity. He published the first right information about the discovery of the nesting colony of the relict gull *Larus relictus* in 1970.

5. After this, regular studies and monitoring of new colonies were performed and several new colonies in Mongolia and China were found.

6. In any case, A. Leontiev was the first ornithologist who had discovered the first nesting colony of the Relict gull.

7. At present, a special exposition exists in the Zoological Museum (Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg), where nesting life of the Relict gull is shown. All the specimens to this exposition were collected in summer 1970 during the special field expedition from this Institute to the first colony of this gull discovered in the Lake Barun-Toray (Potapov 1971).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2007, Том 16, Экспресс-выпуск 374: 1150-1157

Современные границы распространения некоторых птиц на Южном Урале

В.Д. Захаров

Второе издание. Первая публикация в 2006*

Изменения, происходящие в окружающей среде в результате как естественных (изменения климата), так и искусственных (антропоген) причин, не могли не сказаться на распространении птиц. В связи с подготовкой Красной книги Челябинской области и работе в рамках проекта «Современные тенденции изменения природных комплексов на Южном Урале» (Интеграционные проекты фундаментальных исследований, выполняемых в Уральском отделении Российской Академии наук совместно с учеными Сибирского отделения РАН) нашими исследованиями в последние 20 лет была охвачена бóльшая часть Южного Урала. Это позволило на основе собранных в ходе нашей работы и ранее опубликованных данных уточнить современное распространение некоторых видов птиц в регионе.

Egretta alba. Как редкая гнездящаяся птица отмечена на юге региона в Оренбургской области (Красная... 1998). Динамика расселения вида к северу в последние десятилетия выглядит следующим образом. В Челябинской области первое упоминание о большой белой цапле относится к 1984 г., когда залёт 3 особей был отмечен в Восточно-Уральском заповеднике (Рябцев, Тарасов 1993). В 1985 г. одиночная птица наблюдалась на озере Карагуз на севере Челябинской об-

* Захаров В.Д. 2006. Современные границы распространения некоторых видов птиц на Южном Урале // *Изв. Челябинск. науч. центра* 1 (31): 119-123.